

УДК 811.161.1

К 140-летию рождения И. А. Бунина**В. С. Сидорец****ВЕРБОИДЫ В СТРУКТУРЕ И СЕМАНТИКЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА
(на материале повести И. А. Бунина «Митина любовь»)**

Исследуются структурные свойства, семантическое наполнение и функционирование вербоидов (неоднословных наименований действия с десемантизированным компонентом) и вербоидных конструкций в повести И. А. Бунина «Митина любовь».

Введение

Специфика художественного текста стимулирует, как известно, индивидуально-авторское начало в разносторонней актуализации языковых средств, отобранных из национального языка для реализации творческого замысла, заключающегося в том, что автор при создании художественного произведения «производит отбор... явлений действительности, которые соответствуют его представлениям и концепциям. Вымышленные, но правдоподобные ситуации моделируются им в целях пояснения и подтверждения своих идей и представлений» [1, 4]. В связи с этим И. Р. Гальперин отмечает особый характер модальности художественного текста [2, 72], который проявляется через свойственную тому или иному писателю систему актуализации языковых средств. Отсюда вытекает «высокая степень антропоцентризма художественного текста, который предстаёт как сложный смысловой знак, выражающий знания писателя о действительности, воплощённые в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира» [3, 49].

В отмеченных высказываниях отражены существенные черты художественного текста, хотя «общей теории художественного текста... ещё не создано. Художественный текст продолжает оставаться некоторой “закрытой сущностью” [1, 4]. Поэтому изучение художественного текста на пути прохождения от его мотивационной установки до материальной реализации представляет пока не закономерно решаемую проблему, а стремление установления истины через набор эмпирических приёмов, которыми владеет исследующий тот или иной текст, исходя из собственного опыта. Сложность анализа художественного текста заключается в многоплановости, многомерности его семантики, поскольку «художественный текст не только отражает действительность, но и выражает средствами естественного языка модели человеческого отношения к миру» [1, 18].

Результаты исследования и их обсуждение

К числу весьма сложных многомерных явлений художественного текста относится небольшая по объёму повесть И. А. Бунина «Митина любовь», которая была опубликована в журнале «Современные записки» (Париж, 1925). Многомерность семантики и структуры повести не позволяют отнести её к определённому филологическому или психолингвистическому типу. В повести нет классической, хрестоматийной структуры. Однако она читается на одном дыхании, для неё характерна особая цельность, нерасчленённость содержания, хотя, на первый взгляд, может показаться, что повесть состоит из ряда «кусков».

Многое в решении вопроса о структурно-семантической специфике повести вносит история её создания [4, 520–525], достаточно скрупулёзно изложенная О. Ф. Сливичко и затрагиваемая другими исследователями. Они раскрывают то, что в психолингвистике называется мотивом, речевой интенцией, внутренним программированием и т. д. любого текста, в данном случае повести «Митина любовь».

Мы обратимся к внешней речи – к речевой реализации творческого замысла (мотива) писателя в повести «Митина любовь», конкретнее – к специфике функционирования и семантике вербоидных конструкций, важных структурно-семантических компонентов данного художественного текста.

Вербоидные конструкции – различные по объёму и конфигурации деривационные образования на базе вербоидов. Вербоиды – это неоднословные наименования акционально-статального признака с десемантизированным компонентом (деривантом) типа *вести борьбу, делать приготовления, отдавать любовь, состоится экзамен*.

По требованию текста вербоиды подвергаются как простым, элементарным изменениям (*вести борьбу: веду борьбу, ведущий борьбу, ведение борьбы, ведётся борьба* и др.), так и сложным, которые проявляются в перераспределении компонентов вербоидов с элементами определённой трансформации по предикативным частям сложноподчинённого предложения (*давать оценку, совершать перемены: оценка, которую даю; перемены, которые совершались*), в наложении вербоидов (*чувствовать близость + чувствовать враждебность = чувствовать близость и враждебность*), во включении в состав вербоидов слов-классификаторов (*испытывать горечь поражения, отдаваться чувству любви*) и др.

Вербоиды, подвергшиеся изменениям первого типа, достаточно значимы в повествовании, поддерживают или усиливают в тексте различные эмоционально-смысловые акценты: 1. *Да нестерпимо было и самое чтение, вызывавшее рукоплескания* [4, 186]; 2. *И в конце апреля Митя, наконец, решил дать себе отдых и уехать в деревню* [4, 189]; 3. *И он собирался, делал приготовления к отъезду, ходил по Москве...* [4, 190]; 4. *Ты естество мужское, лезешь на стену, предъявляешь к ней высочайшие требования инстинкта продолжения рода...* [4, 190]; 5. *И всё это доставляло Мите странное удовольствие* [4, 206]; 6. *что... даже давало порой странную надежду, что в Соньке можно найти не то наперсницу своих чувств, не то некоторую замену Кати* [4, 206]; 7. *...Ольга Петровна никогда не проявляла особой религиозности* [4, 210].

В первом примере отрицательный, с точки зрения Мити характер смысла *чтение было искусственным с элементами фальши, пошлой невучести, в результате – нестерпимым* усиливается оксюморонным по отношению к этому смыслу вербоидом *вызывавшее рукоплескания* (вызывать рукоплескания). Во втором – *Митя очень устал и морально и физически*, поэтому решил не просто отдохнуть, а *дать себе отдых*. В третьем примере смысл *поскольку Митя твёрдо решил уезжать* поддерживается не глаголом *готовился*, а более значимым по семантике вербоидом *делал приготовления*, потому что в функции форманта (дериванта) выступает глагол *делать*, а существительное употребляется в форме множественного числа, подчёркивая многократность вербоидного действия. Не случаен семантически значимый вербоид *предъявлять требования*, подкреплённый прилагательным *высочайшие* в четвёртом примере, который является своеобразным следствием смысла *Митя нетерпим ко всем женским слабостям Кати в силу особых свойств своего характера и своей мужской природы*.

Вербоиды *доставляло удовольствие* и *давало надежду* представляют центры итоговых предикативных частей, заключающих развитие смысловой линии *взаимоотношения Мити и Соньки* на протяжении 14-й главы.

В последнем примере семантика вербоида *не проявляла религиозности* практически замыкается в предикативной части, выполняя «фактографическую» функцию.

Рассмотренные вербоиды – единственные представители предикатного признака в текстовых фрагментах повести, несмотря на то что одни из них (*дать отдых, делать приготовления, доставлять удовольствие, предъявлять требования, давать надежду*) – члены полных номинативных рядов, а другие (*вызывать рукоплескания, проявлять религиозность*) – неполных [5, 66].

Ещё более значимы в повести вербоиды, которые по требованию текста подверглись сложным изменениям.

К их числу можно отнести изменения, выражающиеся, как уже отмечалось, в перераспределении («передислокации») компонентов вербоида по разным предикативным частям сложноподчинённого предложения: *«Митя провожал Катю в студию Художественного театра, на концерты, на литературные вечера или сидел у неё на Кисловке и засиживался до двух часов ночи, пользуясь странной свободой, которую давала ей мать, всегда курящая, всегда нарумяненная дама с малиновыми волосами, милая, добрая женщина (давно жившая отдельно от мужа, у которого была вторая семья)»* [4, 183]; *«Но он и сам не понимал, за что*

он любил её, хотя чувствовал, что любовь его не только не уменьшается, но всё возрастает вместе с той ревнивой **борьбой**, которую он вёл с кем-то, с чем-то из-за неё, из-за этой любви, из-за её напрягающейся силы, всё более возрастающей требовательности» [4, 187]; «С этого дня он перестал следить за всеми теми **переменами**, что совершало вокруг него наступающее лето» [4, 211].

В этих примерах особенно заметна текстоорганизующая роль, а также мощная семантическая нагрузка вербоидов. Текстоорганизующая роль заложена в весьма динамичной, гибкой деривационной структуре вербоидов, отражающей модели синтаксических словосочетаний [6], а ёмкая семантическая нагрузка обусловлена составляющими частями вербоида: десемантизированным глаголом (деривантом), чаще всего сохраняющим ослабленные лексические семы, которые дают качественную характеристику общeverбоидного акционально-статального признака, и абстрактного существительного, обладающего пропозитивной семантикой.

«Распадаясь», вербоиды, прежде всего, скрепляют предикативные части, реализуя творческий замысел писателя. Однако такая трансформация вербоида не только повеление текста. Если исходить из психолингвистической концепции мотива (мотивации), речевой интенции и т. д., то интересной представляется мысль М. В. Всеволодовой о том, что «не контекст “проясняет” смысл слова, а слово “выбирает” свой контекст и своих **контекстпартнёров**, в связке с которыми оно передаёт необходимый говорящему смысл, или иначе, сочетаемость слова определяется его ЛСВ, концептуальной значимостью, частеречной принадлежностью и способностью нести те или иные субъективные смыслы... Связь слова “со своим” контекстом позволяет уточнить собственное значение слова, раскрыть его концепт в данном языке» [7, 26].

В результате трансформации лексическая часть вербоида – номинализованная пропозиция-существительное – обретает рематический акцент, выбирает своих контекстпартнёров, формируя текст, направляя его в соответствующее семантическое русло с точки зрения творческого замысла (мотивационной установки) писателя.

В приведенных выше примерах представлены вербоидные конструкции с «суперноминализациями» *свобода*, *борьба* и *перемены*, которые задают тон в формировании текста.

Номинализация *свобода*, с одной точки зрения, своеобразный итог содержания предшествующей, главной предикативной, части, с другой – содержания последующих, придаточных, предикативных частей. Некоторые смысловые нюансы (*засиживался до двух часов ночи; мать – дама с малиновыми волосами, всегда курящая, всегда нарумяненная, давно жившая в разводе с мужем, который имел вторую семью*) дали писателю повод ограничить пропозитивность номинализации *свобода* прилагательным *странная*. В таком виде номинализация *свобода* обретает определённую автономию в главной части, составляя вместе с деепричастием обособленный оборот, и порождает дублет *которую* с деривантом *давала*. Трансформированный таким образом вербоид *давать свободу*, семантически весьма значимый, получает ещё большую мотивированную значимость, выражая творческий замысел писателя.

Фактическим структурно-смысловым центром второго предложения является деривационная конструкция *той решительной борьбы, которую вёл* (в её основе – вербоид *вести борьбу*), хотя, на первый взгляд, почти не уступает ей по значимости параллельная синтаксическая конструкция *любовь не уменьшается, но возрастает*. Само предложение – это содержательный сгусток, «сфокусировавший» различные по величине и силе семантические импульсы, идущие с самого начала повести, с первой главы, источником которых является главный персонаж – Митя, покончивший с собой в конце повести из-за несостоявшейся любви с Катей, отдавшей предпочтение искусству и расторгнувшей тот особый союз двух сердец, который создаёт только любовь. Такой результат позволяет уточнить приведённое выше высказывание следующим образом: весьма важной по смысловой значимости в предложении является параллельная синтаксическая конструкция *любовь не уменьшается, но возрастает*, однако она не главная, не центральная, если исходить из логики бунинской мотивации в повести: в сложнейшем рационально-психическом переплетении любви и ревности, ревности и любви побеждает то, что порождает ревность.

«Обратное» семантическое направление получает номинализация *перемены* в деривационной конструкции *перемены, что совершало*, производной от вербоида *совершать перемены*, о чём свидетельствует главная предикативная часть третьего предложения. Этим достигается художественный эффект: перемены, связанные с приближающимся летом, не радуют Митю, а лишь отягощают, потому что им овладело предчувствие: Катя «*для него, для Мити, уже не существует, что она уже в чьей-то чужой власти, отдаёт кому-то другому себя и свою любовь, всецело долженствующую принадлежать ему, Мите*», поэтому «*всё в мире стало казаться ненужным, мучительным и тем более ненужным и мучительным, чем более оно было прекрасным*» [4, 211].

Своеобразной концентрацией структурно-семантических возможностей вербоидов служит их «наложение», имеющее место в повести, и превращение в деривационные вербоидные комплексы: 1. «*Как будто правда прилетели жаворонки и **принесли с собой тепло, радость** (принесли тепло + принесли радость)*» [4, 181]; 2. «*Однако даже стихи и это чтение, то есть то самое, что больше всего напоминало Мите средю, отнимающую у него Катю, остро **возбуждающую его ненависть и ревность** (возбуждавшую ненависть + возбуждавшую ревность), он перенёс сравнительно легко в этот счастливый день девятого марта, его последний счастливый день в Москве, как часто казалось ему потом*» [4, 183]; 3. «*И Митя **чувствовал** и обострённую **близость** к Кате, – как всегда это чувствуешь в толпе к тому, кого любишь, – и злую **враждебность** (чувствовал близость + чувствовал враждебность), **чувствовал и гордость** ею, **сознание** (чувствовал гордость + чувствовал сознание + чувствовал боль), что ведь всё-таки ему принадлежит она, и вместе с тем **разрывающую сердце боль: нет, уже не принадлежит!**» [4, 187]; 4. «*Сделав всё то последнее, что нужно было сделать в номерах, уложив свои вещи в кривую извозчицью пролётку при помощи коридорного, он наконец неловко уселся возле них, тронулся и тот час же **почувствовал то особое**, что охватывает при отъезде, – кончен (и навсегда) известный срок жизни! – и вместе с тем **внезапную лёгкость, надежду** (почувствовал то особое... + почувствовал лёгкость + почувствовал надежду) на начало чего-то нового» [4, 192]; 5. «*Раз ночью был обложный дождь, а потом горячее солнце как-то сразу вошло в силу, весна **потеряла** свою **кротость и бледность** (потеряла кротость + потеряла бледность), и всё вокруг на глазах стало меняться не по дням, а по часам*» [4, 201].**

Вербоидные комплексы в первом и пятом примерах характеризуются определённой структурно-семантической близостью, выражающейся в параллелизме их моделей, в отношении частичной синонимии между существительными *тепло* и *радость*, с одной стороны, и существительными *лёгкость, надежда* – с другой. Семантика синонимии, усиливающая значимость вербоидных комплексов, поддерживается, во-первых, причинно-следственными смысловыми отношениями между компонентами этих предложений, представляющими их содержание. Во-вторых, вербоидные комплексы, получившие такую поддержку, обретают дополнительную смысловую нагрузку за пределами своих предложений. В первом случае – это мотивация *Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко* [4, 181], во-втором – мотив *нарастающее ожидание перемен в жизни и природе*, вытекающий из содержания первого абзаца XI главы повести [4, 201]. Получив мощный заряд, вербоидные комплексы позволяют писателю стимулировать ближайшее содержательное развёртывание (текстовую экспликацию) повести. Они единственное средство выражения предикатного признака, поскольку отсутствуют, за исключением вербоида *принести радость*, их коммуникативные эквиваленты – однословные глагольные номинации. Однако и глагол *порадовать*, коммуникативный эквивалент (термин В. М. Никитевича) вербоида *принести радость*, не войдёт в текстовый сегмент, поскольку требует распространения дополнением (*порадовали – кого?*), а вербоид по семантике самодостаточен и выражает более значимый, чем глагол, предикатный признак за счёт сохраняющего элементы прямого значения дериванта *принести*. Кроме того, сама структура вербоидного комплекса «не пропустит» глагол, так как обусловлена жёсткой авторской мотивацией.

Единственным средством реализации сложного по семантике и структуре предикатного признака является вербоидный комплекс *возбуждающую ненависть, ревность* во втором примере. Составляющие его вербоиды *возбуждать ненависть* («ненавидеться») + *возбуждать*

ревность («ревноваться») не имеют соответствий среди глаголов, весьма непродуктивных, как считает В. Н. Телия, в ментально-психической сфере для выражения акционально-статального признака [8, 142]. Вербоидный комплекс не только тесно связан по смыслу с содержанием всего предложения, он также тесно связан с ближайшим контекстным окружением и задаёт перспективу дальнейшему повествованию: ведь ненависть и ревность у Мити пока приутихли, но потом они возобновятся с новой силой и приведут его к гибели. Такая жёсткая заданность тоже обусловила, на наш взгляд, употребление данного вербоидного комплекса.

Особым содержательным сгустком характеризуется семантика текстуального фрагмента в третьем примере, в котором развитие идеи-концепта *ревность* тесно переплетается с ослаблением идеи-концепта *любовь*. Этот фрагмент – фактический смысловой центр третьей главы повести, вбирающий в себя излучающий то, что связано с данными концептами. Борьба двух чувств на ментально-психическом уровне получила яркое воплощение в языке фрагмента, структурно-смысловым каркасом которого являются два вербоидных деривационных комплекса, представляющих одну типовую деривационную группу [9, 71] с отношениями антонимии между именными компонентами: *чувствовал близость, враждебность* (*чувствовал близость* + *чувствовал враждебность*), *чувствовал гордость, сознание, боль* (*чувствовал гордость* + *чувствовал сознание* + *чувствовал боль*). Это способствовало созданию высокой степени структурно-семантической цельности фрагмента, смысловой нерасчленённости. На такие качества «работает» целый комплекс речевых приёмов: повтор дериванта *чувствовать*, параллелизм построения вербоидных комплексов, стимулирование противопоставлений – средств реализации противоречивости человеческих чувств и др.

В четвёртом примере вербоидный комплекс с зависимыми словами, употребляющийся в начале шестой главы, «задаёт тон» её содержанию. В структурном отношении этот комплекс состоит из двух частей с отношениями противопоставления: первая часть – деривант *почувствовал* с именным центром *то особое* и его экспликацией (*что охватывает...*) – завершение чего-то; вторая – деривант *почувствовал* + имена *лёгкость, надежду* с конкретизирующими их семантику зависимыми словами – начало чего-то. Из этих двух противоречивых чувств, весьма рельефно проявившихся в этой главе, первое, пока наметившееся, получает интенсифицированное продолжение и логическое завершение повести.

Активизация писателем структурно-семантических возможностей вербоидов осуществляется также включением в их состав слов-классификаторов [10], которые определяют «категориальный класс явлений действительности» [7, 46]: «*Забегала и Катя к Мите, в его студенческие номера на Молчановке, и свидания их, как и прежде, почти сплошь протекали в тяжком дурмане поцелуев*» [4, 183]; «*И Мите стало приходиться в голову, что теперь директор имеет виды на Катю, которая, хотя и не виновата в этом, всё-таки, вероятно, это чувствует, понимает и поэтому уже как бы находится с ним в мерзких, преступных отношениях (отношениях мерзости, преступности)*» [4, 185]; «*Душа Кати или тело доводило его почти до обморока, до какого-то предсмертного блаженства (блаженства предсмертного состояния. – В. С.), когда он растёгивал её кофточку и целовал её грудь, райски прелестную и девственную, раскрытую с какой-то душой потрясающей покорностью, бесстыдностью чистойшей невинности*» [4, 188]; «*Катя даже заплакала, – а она никогда не плакала, – и эти слёзы вдруг сделали её страшно родною ему, пронзили его чувством острой жалости и как будто какой-то вины перед ней*» [4, 189]; «*Когда Митя на другой день по приезде, проспавши двенадцать часов, вымытый, во всём чистом, вышел из своей солнечной комнаты, – она была окнами в сад, на восток, – и прошёл по всем другим, он живо испытал чувство их родственности и мирной, успокаивающей и душой и телом простоты*» [4, 196].

Слова-классификаторы используются И. А. Буниным для категоризации определённых объектов ментально-психического мира Мити. В процессе категоризации стимулируется привлечение экспрессивной и образной лексики, прежде всего прилагательных, для укрепления смысловых позиций классификаторов. «Рассылка» таких прилагательных (*мерзкий, преступный, предсмертный*) на соответствующие участки вербоидных структур, привлечение дополнительных конкретизаторов вербоидных компонентов (*тяжкий, острый, мирный,*

успокаивающий) значительно усиливает рематическую значимость этих компонентов в тексте, выражающих, в основном, активизацию и закрепление неотвратимого в судьбе Мити. В качестве классификаторов выступают существительные *дурман, отношения, блаженство, чувство*.

Своеобразной «передышкой» в приближении роковой развязки является содержание последнего предложения с рематическим центром – классификатором вербоидного комплекса [10, 114] – словом *чувство*, который эксплицируется зависящими от него существительными *родственность и простота*. Последнее выступает с конкретизатором, весьма ёмким по семантике многочленным определением *мирной, успокаивающей и души и тело*, содержательная насыщенность которого передаётся как семантикой его компонентов, так и причинно-следственными отношениями между прилагательным и распространённым причастием: *мирная*, поэтому *успокаивающая*.

Выводы

Вербоиды и их различные по структуре и семантике трансформы наиболее употребительны в тех фрагментах повести «Митина любовь», которые раскрывают ментально-психическую «реакцию» Мити, то резко нарастающую, то убывающую, обусловленную возникающими ситуациями, которые связаны прежде всего с Катей. Естественно, усиление этой реакции стимулирует трансформации вербоидов в многочленные деривационные вербоидные комплексы, способные передать сложнейшие человеческие мысли, чувства, переживания. Создание и использование этих комплексов, а также других вербоидных структур демонстрирует величайшее художественное мастерство замечательного русского писателя Ивана Алексеевича Бунина.

Литература

1. Белянин, В. П. Психолингвистические аспекты художественного текста / В. П. Белянин. – М. : изд-во МГУ имени М. В. Ломоносова, 1988. – 123 с.
2. Цит. по изд.: Ревуцкий, О. И. Филологический анализ художественного текста / О. И. Ревуцкий. – Минск : РИВШ, 2006. – 320 с.
3. Огнева, Е. А. Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста / Е. А. Огнева. – Белгород : изд-во БелГУ, 2009. – 280 с.
4. Бунин, И. А. Повести и рассказы. 1917–1930 / И. А. Бунин. Собр. соч. : в 9 т. – М. : Худ. лит., 1966. – Т. 5.
5. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : изд-во ГрГУ, 2004. – 347 с.
6. Сидорец, В. С. Структурно-семантические границы между вербоидами, презентантами номинативной деривации, и синтаксическими единицами – словосочетаниями и предложениями / В. С. Сидорец // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2008. – № 2(19). – С. 72–78.
7. Всеволодова, М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса / М. В. Всеволодова. – М. : изд-во МГУ, 2000. – 504 с.
8. Телия, В. Н. Типы языковых значений. Связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. – М. : Наука, 1981. – 269 с.
9. Сидорец, В. С. Современные восточнославянские неоднословные наименования действия с десемантизированным компонентом в системно-функциональном сопоставительном аспекте / В. С. Сидорец // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6 – С. 66–78.
10. Сидорец, В. С. Вербоидные структуры с классификаторами в художественном тексте (на материале романа-эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир») / В. С. Сидорец // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І. П. Шамякіна. – 2010. – № 1(26). – С. 112–116.

Summary

Structural abilities, semantic filling and functioning of verboids (multiword names of action with a desemantised component) and verboid constructions in the novel «Mitya's love» by I. A. Bunin are investigated.

Поступила в редакцию 27.05.10.